

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Брэ).

(1808—1812 гг.).

Назначеніе де-Брэ посланникомъ въ Петербургъ.—Его положеніе въ Россіи.—Поѣздка въ Парижъ.—Приготовленіе Франціи къ войнѣ съ Россіею.—Переговоры де-Брэ съ герцогомъ Бассано.—Возвращеніе въ Парижъ Коленкура и его объясненіе съ Наполеономъ.—Возвращеніе де-Брэ въ Петербургъ.—Состояніе Россіи передъ войною 1812 года.—Отношенія Баваріи къ Россіи.

е-Брэ, назначенный посланникомъ въ Петербургъ въ 1808 г., вступилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года въ исполненіе своихъ обязанностей и писалъ нѣсколько времени спустя своему другу, баварскому посланнику въ Дрезденѣ, барону Пфелю, что исполненіе этихъ обязанностей было для него, по многимъ причинамъ, легче, нежели другимъ. Онъ былъ еще со времени своей поѣздки въ 1799 и 1800 гг. хорошо знакомъ съ тою сферою, въ которой ему предстояло дѣйствовать; при томъ, какъ видно изъ оставленныхъ имъ многочисленныхъ записокъ, онъ прилежно изучалъ систему управленія и финансы русскаго государства, а съ русскимъ дворомъ былъ хорошо знакомъ по сообщеніямъ своего предшественника. Кромѣ того де-Брэ былъ рекомендованъ съ наилучшей стороны самому вліятельному изъ членовъ дипломатическаго корпуса, французскому посланнику Коленкуру, герцогу Виченскому, а чрезъ свою жену, рожденную фонъ-Левенштергъ, имѣлъ обширныя связи съ представителями весьма многочисленнаго въ Петербургѣ и въ то время весьма вліятельнаго балтійскаго дворянства.

Благодаря такому счастливому стеченію обстоятельствъ и своимъ личнымъ качествамъ, дипломатъ счумѣлъ поставить себя въ Петербургѣ такъ, что его домъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ аристократическихъ салоновъ, и онъ всего нѣскольکو мѣсяцевъ спустя послѣ своего пріѣзда успѣлъ снискать особое благоволеніе императора Александра I.

Высказывая въ своихъ письмахъ надежду на прочность русско-французской дружбы и распространяясь о преимуществахъ, какія принесло Россіи присоединеніе къ «французской системѣ», де-Брэ имѣлъ на это довольно вѣскія основанія. У императора Александра были развязаны руки относительно Турціи и Швеціи, онъ закончилъ завоеваніе Финляндіи и имѣлъ возможность поддерживать такія хорошія отношенія ко двору позорно брошенной на произволъ судьбы Пруссіи, что посѣщеніе Петербурга Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и королевою Луизою носило вполне «сердечный» характеръ и сопровождалось рядомъ блестящихъ празднествъ, въ которыхъ принималъ участіе и французскій посланникъ. Восхваляя преимущества французской «системы» и «великія» качества ея основателя, де-Брэ намекаетъ на то, что въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было жаждали мира, и что союзники Франціи имѣли право ожидать, что у нихъ установятся съ нею наконецъ опредѣленныя отношенія.

Въ послѣдующіе годы де-Брэ высказывалъ въ своихъ письмахъ ту же увѣренность въ непоколебимости «французской системы» и франкорусской дружбы; но при этомъ онъ такъ часто и настойчиво возвращался къ этому предмету, говоря, что императоръ Александръ также дорожилъ дружбою съ Франціей и руководящіе круги петербургскаго общества раздѣляли чувства монарха, что невольно приходитъ на умъ, не старался ли онъ этимъ поддержать въ себѣ въ томъ увѣренность.

Но съ начала 1810 года у де-Брэ уже являются подозрѣнія къ «безпокойной дѣятельности великаго человѣка». Эти подозрѣнія еще болѣе увеличились лѣтомъ 1811 г. во время поѣздки де-Брэ въ Парижъ, вызванной кончиною его брата. Узнавъ объ его пріѣздѣ, Наполеонъ, слышавшій о де-Брэ, какъ о человѣкѣ, преданномъ Россіи и хорошо съ нею знакомомъ, поручилъ герцогу Бассано вывѣдать мнѣніе графа о положеніи дѣлъ. 5-го іюля 1811 г. де-Брэ изложилъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой бесѣды, и свой взглядъ на событія, въ объемистой запискѣ, которая была препровождена имъ баварскому правительству.

«Въ то время какъ я пріѣхалъ въ Парижъ (11-го мая), всѣ говорили о предстоящей войнѣ съ Россіей,—читаемъ въ этой запискѣ. Армія спѣшно вооружалась; императоръ производилъ смотръ войскамъ, коими должны были усилить армію маршала Сульта, и поляки, находившіеся

въ Парижѣ, въ числѣ которыхъ былъ и князь Понятовскій, не скрывали своихъ надеждъ, а между тѣмъ депеши герцога Виченскаго (Колонкура) были такого рода, что онѣ могли успокоить императора, и заступившій мѣсто герцога Кадора (Шампаньи) въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано былъ одушевленъ самыми миролюбивыми намѣреніями и искренно желалъ не начинать своей министерской карьеры войною, которая могла окончиться дурно. Герцогъ Бассано былъ первый человѣкъ, съ коимъ я пространно говорилъ о Россіи. Однажды, пріѣхавъ изъ Сентъ-Клу, гдѣ онъ видѣлся съ монархомъ, онъ завелъ со мною по порученію Наполеона разговоръ, чтобы узнать мое мнѣніе. Я сказалъ ему, что я уѣхалъ изъ Петербурга нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и что въ такое время, когда событія слѣдуютъ столь быстро одно за другимъ, многое могло уже перемѣниться...

— Но должны же быть, — говорилъ Бассано, — извѣстные принципы, которые не могутъ измѣниться. Полагаете ли вы, что императоръ Александръ былъ нашимъ другомъ?

— Я не только не сомнѣваюсь въ томъ, — отвѣчалъ де-Бра, — что онъ былъ таковымъ, я иду далѣе и полагаю, что онъ вамъ другъ и теперь и останется таковымъ до тѣхъ поръ, пока императоръ (Наполеонъ) этого пожелаетъ.

— Съ нѣкоторыхъ поръ онъ уже не даетъ намъ никакихъ доказательствъ своей дружбы. Почему онъ вооружается противъ насъ, почему прервалъ онъ войну противъ Турціи, чтобы двинуть четыре армейскихъ корпуса изъ Молдавіи къ границѣ Польши? Что означаетъ указъ, коимъ воспрещенъ ввозъ нашихъ товаровъ и учреждена русская блокада на континентѣ? ¹⁾ Развѣ это есть доказательство дружескихъ отношеній? Вообще, какія услуги оказала намъ Россія? Во время войны съ Австріей, ея войска сдерживали поляковъ вмѣсто того, чтобы поддержать ихъ, и она держала себя такъ, что они (поляки) должны были остерегаться одинаково Австріи и Россіи. Я бы не удивился, если бы императоръ, по заключеніи мира въ Вѣнѣ, обратилъ свое оружіе противъ Россіи и отомстилъ бы этому коварному другу въ союзѣ съ Австріей. Наконецъ, что означаетъ циркуляръ, разосланный дружественнымъ Франціи державамъ (относительно оккупации французами Ольденбурга), который былъ принятъ императоромъ съ такимъ удивительнымъ хладнокровіемъ и по поводу котораго, говоря откровенно, я думалъ, что онъ сдѣлаетъ войну неизбежною.

— Я попытаюсь, — отвѣчалъ де-Бра, — съ вашего позволенія, отвѣтить на эти вопросы. Вы удивляетесь, что Россія забила тревогу и выставила войска на границу; но вы забываете, что Франція отодвинула гра-

¹⁾ Говорится о новомъ тарифѣ 1810 года.

ницы своей имперіи до Балтійскаго моря и присвоила себѣ владѣнія Ольденбургскаго принца, неприкосновенность которыхъ была гарантирована Тильзитскимъ мирнымъ договоромъ. Такъ какъ вначалѣ была рѣчь только о военной оккупаци Ольденбурга, то Россія не протестовала противъ этого и ручалась дядѣ императора въ томъ, что онъ не можетъ лишиться своихъ владѣній, что ему нечего опасаться. И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда герцогъ Ольденбургскій получилъ сдѣланное самой Франціей по поводу этого сообщеніе, французскій генералъ овладѣлъ герцогствомъ и опечаталъ его кассу. Столь послѣдствіи образъ дѣйствій въ связи съ такими важными мѣропріятіями долженъ былъ встревожить Россію. Планы императора Наполеона такъ обширны, что трудно предвидѣть, гдѣ имъ будетъ предѣлъ. Россія почувствовала, что ей угрожаетъ опасность, и боялась быть застигнутой врасплохъ. Она вооружилась, но въ то же время объяснила свой образъ дѣйствій и сама потребовала объясненій. Что касается вышеупомянутого указа, то надобно принять въ соображеніе слѣдующее: вексельный курсъ на Россію былъ такъ плохъ, что она сочла нужнымъ уменьшить ввозъ для того, чтобы выполнить принятія ею на себя обязательства и пополнить убытки, причиненные ей прекращеніемъ вывоза ея продуктовъ. Кромѣ того этотъ указъ былъ изданъ всего на шесть мѣсяцевъ, и надобно полагать, что срокъ его не будетъ продленъ. Совершенно вѣрно, что война (1809 г.) вѣдена была неудачно, но въ этомъ виновата армія, а не императоръ, который ни минуты не колебался относительно тѣхъ мѣръ, какія ему надлежало принять, чтобы доказать свое дружеское расположеніе къ Франціи. Я былъ свидѣтелемъ, съ какою радостью онъ выслушалъ извѣстіе о побѣдѣ императора Наполеона и съ какимъ достоинствомъ онъ отвергъ намеки нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ, не имѣющихъ впрочемъ никакого политическаго вліянія. Что касается наконецъ до циркуляра, то вашему превосходительству извѣстна его исторія... Что же изъ этого слѣдуетъ въ концѣ концовъ? Ничего такого, что могло бы быть непріятно для Франціи; вдобавокъ, циркуляръ обращенъ не къ врагамъ, а къ ближайшимъ друзьямъ императора Наполеона! Могъ ли императоръ Александръ допустить, чтобы въ Европѣ укоренилось мнѣніе, будто онъ одобряетъ фактъ нарушенія правъ близкаго родственника своего дома и готовъ снести это только потому, что здѣсь (т. е. со стороны Франціи) не приняли во вниманіе его заявленія? Достоинство Россіи требовало, чтобы въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ была сдѣлана по меньшей мѣрѣ демонстрація, въ отвѣтъ на то, что близкій родственникъ императора лишился своей собственности, обладаніе которой было гарантировано ему... Я твердо увѣренъ въ томъ, что императоръ Александръ далекъ отъ мысли желать войны съ императоромъ Наполеономъ. Не говоря уже о привязан-

ности, какую онъ пытается къ вашему монарху, онъ считаетъ его, совершенно основательно, самымъ опаснымъ изъ враговъ. Россія можетъ быть вынуждена воевать съ Франціей, но она никогда не рѣшится начать войну по своему собственному побужденію.

Герцогъ сказалъ на это, что я являюсь какъ бы порукою за добрыя намѣренія Россіи, что герцогъ Виченскій пишетъ въ томъ же смыслѣ, но сообщаетъ въ своихъ донесеніяхъ только то, что говоритъ ему императоръ Александръ, а этого, въ концѣ концовъ, недостаточно.

— Герцогъ правъ,—сказалъ я,—а неправы тѣ, кои передаютъ въ своихъ донесеніяхъ салонные толки. Что бы ни говорили о слабохарактерности императора Александра, я остаюсь при своемъ мнѣніи, что будетъ то, что онъ хочетъ, и что отъ императора Наполеона зависитъ, что бы онъ остался при прежнихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ.

Герцогъ поблагодарилъ меня за то, что я высказалъ ему свое мнѣніе, и сказалъ, что онъ сообщитъ его императору, который (какъ онъ вполне убѣжденъ) приметъ это во вниманіе.

Нѣсколько дней спустя Бассано возвратился къ тому же предмету и разсказалъ мнѣ, что генераль Лористонъ, послѣ первой же аудіенціи у императора Александра, отправилъ сюда курьера, но его предупредилъ другой курьеръ, посланный герцогомъ Виченскимъ два дня раньше во избѣжаніе подозрѣнія въ томъ, что они сговорились. Оба донесенія написаны въ успокоительномъ тонѣ и видимо успокоили императора. Бассано присовокупилъ, что императоръ не хочетъ войны и что тѣ, кои приписываютъ ему обратное, жестоко ошибаются.

— Стоитъ только присмотрѣться внимательнѣе,—говорилъ онъ,—чтобы убѣдиться, что въ нашихъ поступкахъ ничто не указываетъ на подобное намѣреніе. Развѣ можно сказать, что мы хотимъ прекратить войну съ Испаніей? Напротивъ, мы послали туда еще 90.000 человекъ. Конечно, мы могли бы вести войну на два фронта, но что бы мы выиграли отъ этого? Быть можетъ независимость Польши? Но это не было бы выгодно для насъ, а какъ разъ обратно. Въ томъ видѣ, какъ дѣло обстоитъ въ настоящее время, герцогство Варшавское есть не что иное, какъ французская провинція, всѣ средства которой находятся въ нашемъ распоряженіи и которая существуетъ единственно благодаря Франціи и для Франціи. Если же мы возстановимъ Польшу, то намъ придется имѣть дѣло съ 16 милліонами людей, опыненныхъ независимостью, и со странюю, за которую намъ придется пристально слѣдить и которая, разумѣется, не пожелаетъ быть управляема такъ, какъ намъ заблагоразсудится. Развѣ мы стремимся къ завоеваніямъ на сѣверѣ? Спрашивается, какой они имѣли бы смыслъ и кому принесли бы пользу? Вообще, ясно, какъ день, что въ случаѣ войны нашимъ успѣхамъ могла бы помѣшать тысяча случайностей. Русскіе, въ концѣ концовъ, не да-

дутъ намъ одержать рѣшительной побѣды, которая была бы необходима для славы императора. Словомъ, какъ видите, мы не имѣемъ никакого повода желать войны, — но если, ее хотятъ, то, разумѣется, мы съумѣемъ вести ее.

Я возражилъ, что я далеко отъ мысли, чтобы въ Россіи хотѣли войны и что князь Куракинъ и графъ Нессельроде высказали мнѣ причины, въ силу которыхъ ихъ монархъ рѣшительно желаетъ избѣжать ея, а графъ Нессельроде сказалъ мнѣ въ концѣ концовъ, что объясненіе, посланное императоромъ Александромъ въ Парижъ, написано въ самомъ успокоительномъ тонѣ и съ намѣреніемъ произвести хорошее впечатлѣніе.

— Говорятъ о вооруженіяхъ, — сказалъ мнѣ графъ, — но они будутъ прекращены, какъ только Франція докажетъ, что она не питаетъ противъ Россіи никакихъ враждебныхъ замысловъ. Тогда все пойдетъ по старому, такъ какъ Россія со своей стороны рѣшила не нападать. Далѣе говорятъ о континентальной системѣ, но вѣдь русскія гавани должны быть закрыты для англичанъ. Подымать же шумъ изъ-за нѣсколькихъ нейтральныхъ судовъ и нѣсколькихъ выданныхъ пропусковъ было бы равносильно явному недоброжелательству и желанію придратъся. Франція сама выпускаетъ суда нейтральныхъ державъ, если ихъ бумаги въ порядкѣ, и сама выдаетъ имъ пропуска, если это согласно съ ея интересами! Вы знаете императора и знаете Россію, поэтому вамъ должно быть извѣстно, что у насъ никто не желаетъ войны съ Франціей. Единственно чего воѣ желаютъ — это достигнуть болѣе благопріятнаго для насъ положенія дѣлъ. Если Франція хочетъ упрочить свой союзъ съ нами, то она должна позаботиться о томъ, чтобы этотъ союзъ былъ сносенъ для насъ, — если она желаетъ поддержки съ нашей стороны, то она должна желать, чтобы у насъ были въ рукахъ средства, при помощи которыхъ мы могли бы дѣйствовать. Говорите въ этомъ смыслѣ; если вы будете содѣйствовать поддержанію мира, то вы окажете этимъ услугу Россіи.

Герцогъ Бассано выслушалъ все сказанное мною объ образѣ мыслей Нессельроде съ видимымъ удовольствіемъ. Нѣсколько дней спустя мы бесѣдовали съ нимъ самымъ сердечнымъ образомъ объ извѣстіяхъ, сообщенныхъ графомъ Лористонемъ, и онъ пригласилъ меня и Чернышева совершить вмѣстѣ съ нимъ поѣздку за городъ, въ которой принималъ участіе только самый близкій кружокъ его знакомыхъ.

5-го іюня пріѣхалъ въ Парижъ Коленкуръ; во время аудіенціи у императора, продолжавшейся пять часовъ, онъ высказалъ ему со свойственной ему смѣлостью и откровенностью свой взглядъ о положеніи дѣлъ. Я убѣдился въ томъ, что весьма распространенное тогда мнѣніе, будто отозваніе Коленкура изъ Петербурга было признакомъ охлажде-

нія, происшедшаго въ взаимныхъ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, было ошибочно. Герцогъ Бассано просилъ самымъ настоятельнымъ образомъ отозвать его, вслѣдствіе несогласій, возникшихъ между нимъ и бывшимъ министромъ Шампаньи. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ охотно остался бы на своемъ посту, если бы онъ зналъ, что министромъ будетъ назначенъ Бассано. Коленкуръ перечислилъ императору всѣ обвиненія, какія поляки предъявляли противъ Россіи и ея яко бы угрожающаго образа дѣйствій.

— Позовите Понятовскаго, — сказалъ онъ, — я укажу на картѣ занятія русскими позиціи и подпишусь подъ этимъ — пусть онъ попробуетъ опровергнуть мои слова, если онъ найдетъ это возможнымъ. Я не имѣю никакого желанія потерять голову, должность и довѣріе вашего величества, но я ручаюсь головою за то, что Россія не намѣревается воевать съ нами и что императоръ Александръ, который по-прежнему питаетъ къ вамъ дружескія чувства, будетъ снова всецѣло преданъ вамъ, если ваше величество это пожелаете. Если ваше величество думаете, что я ошибаюсь, то пригласите сюда де-Бре, который находится въ настоящее время въ Парижѣ и который подтвердитъ, я увѣренъ, то, что я сказалъ.

Затѣмъ Коленкуръ сказалъ императору, что русскіе готовы на всякія уступки, но что они будутъ сражаться, если имъ не будетъ инаго исхода, и что пораженіе, нанесенное имъ въ случаѣ войны, никоимъ образомъ не поведетъ къ заключенію мира, такъ какъ русскіе отлично понимаютъ, что миръ, заключенный послѣ пораженія, не принесетъ имъ ничего добраго. Они возлагаютъ надежду на необъятное протяженіе своей страны, которое дастъ имъ возможность отступать и защищаться долгое время въ предѣлахъ государства.

Выслушавъ все это, Наполеонъ отказался отъ мысли объявить войну Россіи и одиннадцать дней спустя въ законодательномъ корпусѣ произнесъ рѣчь. Эта рѣчь поразила поляковъ — ихъ надежды послѣ этого омрачились, и пріемъ, который намѣрено имъ сдѣлать министерство, становится со дня на день менѣе благоприятнымъ. Эти господа попытались отомстить за себя и распространили о герцогѣ де-Бассано тысячу неблагоприятныхъ слуховъ. Саксонскій посланникъ, съ которымъ я захожусь въ дружескихъ отношеніяхъ, передавалъ мнѣ, что поляки внушили герцогу свои взгляды и увѣрили его въ томъ, что война есть дѣло рѣшенное.

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ графъ Нессельроде, рѣчь, произнесенная императоромъ, походила на рѣчь человѣка смущеннаго, но не желающаго воевать.

Когда я простился съ герцогомъ Бассано, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Вамъ нѣтъ надобности давать указаній относительно того, какъ вамъ слѣдуетъ держать себя въ смыслѣ политическомъ; поступайте такъ, какъ вы поступали до сихъ поръ! Я боюсь одного—чтобы дѣла не были оставлены (съ русской стороны) въ неопредѣленномъ положеніи, тогда какъ ихъ слѣдовало бы довести до конца и дать посланнику надлежащія полномочія для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Намъ будутъ дразнить до тѣхъ поръ, пока намъ окончательно не разсердятъ. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ князь Куракинъ не получаетъ ни извѣстій, ни инструкцій, ни полномочій».

Въ вышеприведенной запискѣ де-Брэ любопытнѣе всего, разумѣется, указаніе на то, что герцогъ Бассано, Коленкуръ и прочіе совѣтники Наполеона такъ же горячо желали мира, какъ и русскіе, и что это настроеніе французскихъ государственныхъ людей было столь ясно выражено, что такой осторожный и сдержанный человекъ, какъ де-Брэ, рѣшился взять на себя роль защитника русской политики. Между строками его записки проглядываетъ какъ нельзя болѣе ясно, что по убѣжденію де-Брэ право и благоразуміе были на сторонѣ Россіи и что образъ дѣйствій Наполеона подавалъ поводъ къ вполнѣ основательнымъ жалобамъ. Онъ высказалъ это откровенно потому, что, не смотря на свое пристрастіе къ «французской системѣ», онъ обладалъ здравымъ и трезвымъ взглядомъ на вещи и имѣлъ полное право сказать это, ибо онъ видѣлъ, что совѣтники Наполеона, въ особенности Коленкуръ, раздѣляли его мнѣніе. При этомъ онъ придавалъ огромное значеніе тому невыносимому экономическому и финансовому положенію, въ какое была поставлена Россія континентальной системой, закрывшей англійскіе рынки для вывоза ея сырыхъ произведеній.

По возвращеніи въ Петербургъ, де-Брэ написалъ 3-го (15-го) августа 1811 г. новую записку, въ которой онъ подробно разсматриваетъ указъ 7-го (19-го) декабря 1810 г. и тѣ обстоятельства, коими онъ былъ вызванъ. Хотя баварскій посланникъ былъ ревностнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза и дѣятельно заботился объ его поддержаніи, тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что строгое, безъ всякихъ послабленій, соблюденіе континентальной системы было бы для Россіи равносильно «à une proscription absolue et arbitraire de tout espèce de commerce» ¹⁾.

Онъ говорилъ подробно о вздорожаніи всѣхъ, самыхъ необходимыхъ иностранныхъ произведеній, что при отсутствіи таковыхъ же предметовъ русскаго производства поставило торговлю въ самое отчаянное, безвыходное положеніе, и что «вслѣдствіе паденія русскихъ бумагъ и большихъ потерь, понесенныхъ русскимъ купечествомъ въ 1810 и 1811 гг., дѣло дошло до того, что иностранные банкиры не принимали къ уплатѣ векселей первыхъ торговыхъ домовъ Петербурга и Риги.

¹⁾ Совершенному и самовластному уничтоженію всякой торговли.

Одинъ только торговый домъ во всемъ Петербургѣ, фирма Ливіо, сумѣлъ поддержать свой кредитъ за границею.... Первые торговые дома Риги были вынуждены приостановить платежи, между тѣмъ какъ петербургскія фирмы держались только благодаря поддержкѣ правительства. Дѣла были въ такомъ застоѣ, что платежи по векселямъ, даже по денежнымъ ссудамъ, производились не иначе, какъ съ потерей 28 процентовъ».

Зимомъ 1811—1812 года де-Брэ еще надѣялся что дѣло не дойдетъ до крайности и что Россія и Франція придутъ къ соглашенію. Въ письмѣ отъ 6-го марта 1812 г. онъ говоритъ о томъ, какъ о дѣлѣ возможномъ.

Любопытно, что при отозваніи де-Брэ изъ Петербурга баварское правительство сдѣлало заявленіе въ высшей степени необычайное въ моментъ объявленія войны.

Въ запискѣ къ исторіи баварской политики, составленной де-Брэ, онъ пишетъ, что «изъ числа всѣхъ, дружественныхъ Франціи державъ, одна Баварія имѣла мужество громко (*hautement*) выразить петербургскому кабинету свое глубокое прискорбіе по поводу того, что ея король принужденъ былъ сражаться съ монархомъ, котораго онъ любилъ и съ которымъ его связывали многочисленныя узы».

Баварскому посланнику было приказано, вручая императору Александру свои отзывныя грамоты, выразить ему самыя искреннія чувства его монарха. Такимъ образомъ баварское посольство разсталось съ Петербургомъ самымъ дружественнымъ образомъ. Баварія дала этимъ понять, что она только подчиняется обязательствамъ, отъ которыхъ она въ данную минуту не могла отдѣлаться, но что при первой же возможности она попытается расторгнуть ненавистный и тягостный для нея союзъ.

Какъ извѣстно, баварскій дворъ не скрывалъ своего несочувствія намѣреніямъ Наполеона, въ успѣхъ которыхъ онъ сильно сомнѣвался; императоръ Александръ со своей стороны отнесся къ де-Брэ, при его отъѣздѣ изъ Петербурга, съ особымъ благоволеніемъ.

Уѣхавъ изъ Петербурга, графъ де-Брэ провелъ 1812 г. въ Баваріи не у дѣлъ, отдыхая въ своемъ имѣніи; лѣтомъ же 1814 г. онъ переехалъ въ лифляндское помѣстье семейства Левенштернъ, гдѣ прожилъ до конца 1815 г., ожидая съ часа на часъ своего возвращенія въ Петербургъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1815 г. де-Брэ былъ вновь аккредитованъ при петербургскомъ дворѣ. Его третье пребываніе въ русской столицѣ продолжалось семь лѣтъ. Въ достопамятный веронскимъ конгрессомъ 1822 годъ де-Брэ былъ перемѣщенъ въ Парижъ и этотъ разъ навсегда разстался съ Россіей.